

- Bates et al. 1988 — Bates E., Bretherton I., Snyder L. *From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
- Bowerman 2004 — Bowerman M. (coordinator). *Event representation. Max Planck Institute for Psycholinguistics: Annual Report 2004*. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2004. Pp. 87—104.
- Chernigovskaya, Gor 2000 — Chernigovskaya T., Gor K. The complexity of paradigm and input frequencies in native and second language verbal processing: Evidence from Russian. *Language and Language Behavior*. Wande E., Chernigovskaya T. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Press, 2000. Pp. 20—37.
- Croft 2012 — Croft W. *Causal structure in verbal semantics and argument realization*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Hickok, Poeppel 2007 — Hickok G., Poeppel D. The cortical organization of speech processing. *Nature Reviews Neuroscience*. 2007. Vol. 8. Pp. 393—402.
- Janda 2007 — Janda L. A. Aspectual clusters of Russian verbs. *Studies in Language*. 2007. Vol. XXXI. No. 3. Pp. 607—648.
- MacWhinney, Plunkett 2000 — MacWhinney B., Plunkett K. Lexicalist Connectionism. *Models of language acquisition: Inductive and deductive approaches*. Broeder P., Murre J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. Pp. 9—32.
- Rosch 1975 — Rosch E. H. Cognitive representation of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology*. 1975. Vol. 104. No. 3. Pp. 192—233.
- Slioussar, Chuprina 2015 — Slioussar N., Chuprina A. Grouping morphologically complex words in the mental lexicon: Evidence from Russian verbs and nouns. *CEUR Workshop Proceedings*. 2015. Vol. 1347. P. 136—139.
- Speer et al. 2009 — Speer N. K., Reynolds J. R., Swallow K. M., Zacks J. M. Reading stories activates neural representations of visual and motor experiences. *Psychological Science*. 2009. Vol. 20. No. 8. Pp. 989—999.

П. М. Аркадьев. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015. 352 с. (Studia philologica). [P. M. Arkadiev. *Areal' naya tipologiya prefiksial' nogo perfektiva (na materiale yazykov Evropy i Kavkaza)* [Areal typology of the prefixal perfective aspect (a case study in European and Caucasian languages)]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015. 352 p. (Studia philologica)]. ISBN 978-5-94457-220-2.

Тимур Анатольевич Майсак

Институт языкознания РАН, 125009, Российская Федерация
maisak@iling-ran.ru

Timur A. Maisak

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation
maisak@iling-ran.ru

Вышедшая в прошлом году книга московского типолога и балтиста, сотрудника Института славяноведения РАН П. М. Аркадьева примечательна в целом ряде отношений. При том, что явление префиксальной перфективации — то есть использования глагольных префиксов для выражения значения перфективности — имеет давнюю традицию изучения в аспектологии, особенно на материале славянских языков, обобщающих работ по типологии этого явления на более обширной языковой выборке до сего времени не было. Содержание книги, однако, отнюдь не ограничивается типологически-ориентированным обзором конкретно-языкового материала, известного из более ранних работ. Во-первых, системы префиксальной перфективации в языках двух ареалов — Европы и Кавказа — подробно рассмотрены в книге с точки зрения выделенного автором набора ключевых морфосинтаксических и функционально-семантических признаков. Во-вторых, важное место уделено собственно ареальному распределению значений этих параметров, для более строгого анализа которого используются различные методики, в том числе и количественные. В-третьих, префиксальная перфективация рассмотрена в диахронической и контактной перспективе.

В последней главе книги данные из языков Европы и Кавказа, вошедших в основную выборку, дополнены типологическими параллелями из языков других ареалов, в которых отмечаются аналоги префиксальных перфективирующих морфем. В целом трудно указать на какой-либо релевантный аспект исследования префиксальной перфективации, который остался бы за пределами книги П. М. Аркадьева.

В первой главе автор формулирует необходимые понятия, излагает теоретические и методологические основания исследования и описывает его материал. В фокусе внимания в книге находится тот тип глагольных префиксов, который автор называет **превербами** и который прототипически связан с выражением пространственных значений из области глагольной ориентации (в терминах работы [Плунгян 2002]): в частности, классические превербы «способны присоединяться к глаголам, обозначающим перемещение, и специфицируют какие-либо аспекты пространственного расположения их актантов» (с. 17). Важное содержательное и терминологическое различие, которое проводится в книге вслед за устоявшейся в славянской аспектологии традицией, состоит в противопоставлении **предельности** и **терминативности**. П. М. Аркадьев отмечает, что придерживается «двухкомпонентной» теории вида, различающей акциональные значения предикатов (разделение ситуаций на статические vs. динамические, длительные vs. моментальные и т. п.) и грамматические аспектуальные значения, выражающие «точку зрения» говорящего на развертывание ситуации во времени (противопоставление перфектива и имперфектива относится именно к этому второму компоненту). В области акциональности необходимо различать два типа «предельности» — условно говоря, само наличие в семантике ситуации указания на предел и временную ограниченность ситуации, — для которых во избежание путаницы придается использовать два различных обозначения. Таким образом, собственно «предельными» в книге названы «глаголы, обозначающие ситуации, обладающие внутренним пределом, который в конкретном употреблении может быть как актуализован (например, в перфективной форме), так и не актуализован (например, в имперфективной форме)», а «терминативными» — «глаголы, которые обозначают ситуации, ограниченные во времени; частным случаем терминативных являются такие предельные глаголы, у которых достижение предела актуализовано во всех формах» (с. 23). Два указанных признака являются независимыми, так что возможны все четыре сочетания их значений (так, ситуация *написать письмо* предельна и терминативна, тогда как *посидеть* — не предельна и также терминативна).

Что касается языкового материала, в книге учитываются данные значительной части современных славянских языков (русского, польского, чешского, словацкого, верхнелужицкого, словенского, сербохорватского, болгарского и македонского), балтийских языков (литовского и латышского), двух германских языков (немецкого и идиша) и одного финно-угорского (венгерского), а из языков Кавказа — одного иранского (осетинского), четырех картвельских (грузинского, сванского, мегрельского и лазского) и в качестве сопоставления — одного западнокавказского (адыгейского), в котором развитая система превербов не связана с перфективацией. Для ряда языков к рассмотрению привлекается не только стандартный (литературный) вариант, но и диалекты. Источники языковых данных в большинстве случаев являются «вторичными» (это грамматики, словари или специальные исследования), хотя в случае русского, литовского и адыгейского языков автор опирается и на «первичные» данные, полученные им самим от носителей языка или в результате анализа корпусов текстов.

В четырех центральных главах книги подробно рассмотрены значения тех параметров типологии превербов — как собственно систем превербов, так и превербных глаголов, — которые перечислены в первой главе. Глава 2 посвящена морфосинтаксическим признакам превербов. С точки зрения их морфологического статуса и степени морфологизации языки, где превербы неотделимы от основы (например, славянские), противопоставлены языкам с ограниченной отделимостью (так, в осетинском между превербом и глаголом допустимо вставление некоторых клитик) и тем языкам, где превербы обладают значительной

степенью отделимости (например, в немецком и венгерском преверб может располагаться от глагола достаточно далеко, а также составлять отдельное высказывание). Различаются языки и по позиции превербов в глагольной словоформе: хотя в значительном числе случаев других префиксальных морфем, кроме превербов, не имеется, в ряде языков выделяется несколько префиксальных позиций и превербы могут располагаться только в одной из них (например, в литовском таких позиций пять, и для превербов «зарезервирована» вторая). Еще два тесно взаимосвязанных параметра — это возможность «итерации» превербов, то есть присутствия в глагольной словоформе более одного из них, и наличие внутри системы превербов нескольких подклассов, выделяемых по морфологическим критериям (к примеру, отделяемые и неотделяемые приставки в немецком). По мнению автора, «говорить об итерации превербов или множественной префиксации можно лишь в том случае, когда четкая субкатегоризация множества превербов оказывается невозможной или по крайней мере выходящей за пределы чисто морфологических критериев» (с. 47). Тем самым, в литовском или картвельских языках, имеющих четко противопоставленные группы превербов, итерация морфем из одной группы невозможна, тогда как в славянских языках она вполне продуктивна: хотя в языках типа русского и можно говорить о различии «внутренних» и «внешних» префиксов¹, их противопоставление является исключительно функционально-семантическим, но не формально-морфологическим. Наконец, еще одним параметром является наличие у превербов очевидных с синхронной точки зрения когнатов среди единиц других классов — например, предлогов/ послелогов или наречий, а иногда и существительных со значением частей тела или пространственных объектов, как в адыгейском (например, *pe-* ‘передняя часть’ и *re* ‘нос’).

Как заключает автор, «даже в языках одного географического ареала превербы демонстрируют исключительное разнообразие формальных свойств, так что те или иные классификационные признаки принимают для них подчас все возможные значения» (с. 57). Заметим, что в этой и последующих главах книги распределение значений параметров в языках выборки проиллюстрировано для каждого параметра весьма наглядно (наподобие того, как это сделано, в частности, в работах [Thieroff 2000; Haspelmath 2001]). Для этого используется упрощенный формат лингвистических карт, где каждый язык фигурирует в виде «точки» под своим сокращенным названием, а распределение значений признаков обозначается специальными шрифтовыми выделениями.

В третьей главе обсуждаются функционально-семантические свойства превербов. К ним относятся, в частности, исходные значения превербов (например, тип выражаемого ими пространственного значения и наличие дейктического компонента), членение системы превербов на более дробные функционально-семантические классы (в отличие от формально-морфологических классов, о которых шла речь в предыдущей главе), ограничения на сочетаемость превербов с глагольными основами. В другую группу признаков, ключевую для аспектуальной проблематики книги, входит характеристика собственно аспектуальных функций превербов и их взаимодействия с семантикой глагола (в частности, способность превербов влиять на актантную структуру), участие превербов в образовании так называемых «способов глагольного действия» и наличие у превербов перфективирующей функции («в чистом виде»). Как уже отмечалось автором в начале книги, под аспектуальной функцией превербов понимается их воздействие на лексические аспектуальные свойства глаголов (то есть на их способность обозначать ситуации определенных типов), а именно превращение глагола в предельный (его «телисизация») или в терминативный (его «перфективация»). В славянских и балтийских языках, а также в грузинском и осетинском превербы обладают ярко выраженной перфективирующей функцией: если простые,

¹ Так, в примерах наподобие *до-пере-за-писать* ближайший к основе префикс *за-* имеет некомпозиционное значение, тогда как дальше от основы находятся префиксы с легко идентифицируемыми значениями повторности и комплетива соответственно, причем их позиция может меняться в зависимости от сферы действия (ср. *пере-до-за-писать*); см. подробнее [Татевосов 2009].

беспрефиксальные глаголы обычно обозначают в этих языках либо неопределенные ('ходить', 'спать'), либо потенциально предельные ситуации ('бежать', 'строить'), то превербы используются именно для указания на достижение потенциально предельной ситуацией результата, на актуализацию предела ('прибежать', 'построить'). Таким образом, «префиксальный глагол обозначает уже не состояние или процесс, а событие — изменение состояния, возникающее либо в результате достижения процессом конечной точки, либо спонтанно, без предшествующего процесса» (с. 73). В ряде других языков превербы используются только в телисизирующей, но не в перфективирующей функции, причем иногда, как в немецком, и такая функция свойственна лишь некоторым из префиксальных единиц, а не всей системе превербов в целом. По-разному представлено в языках и участие префиксальных глаголов в выражении «способов глагольного действия», то есть «словообразовательных категорий, тем или иным образом модифицирующих семантику исходного глагола» (с. 77). Наличие многочисленных способов глагольного действия является характерной чертой славянских языков, и сходная ситуация наблюдается в балтийских языках и венгерском. В идиш из славянских языков был заимствован целый ряд способов глагольного действия, для оформления которых были использованы германские префиксы. Из кавказских языков богатая система способов глагольного действия представлена только в осетинском, тогда как в грузинском набор продуктивных образований такого рода невелик, а в адыгейском они практически отсутствуют (аналоги способов действия выражаются суффиксами или комбинациями суффиксов с превербами).

Что касается «чистовидовых» употреблений превербов (тех случаев, когда единственный вклад префикса в семантику глагола состоит в перфективации или телисизации), то такие, по данным автора, есть во всех славянских, балтийских языках, венгерском, идише, осетинском и грузинском, хотя степень распространенности телисизации и перфективации «в чистом виде» по языкам различается. Еще один параметр варьирования — это наличие в системе единиц с делимитативной функцией, то есть таких превербов, которые бы образовывали от глаголов, обозначающих процесс или состояние ('работать', 'спать'), глаголы, обозначающие ограниченную во времени ситуацию того же типа ('поработать', 'поспать'). Продуктивные делимитативные превербы представлены лишь в части славянских языков, а также в балтийских и осетинском, тогда как в германских языках, венгерском и, по видимому, в картвельских они отсутствуют.

В небольшой по объему четвертой главе рассмотрены признаки, характеризующие не собственно превербы, а превербные глаголы. Сюда относятся наличие специфических для превербных глаголов морфологических и/или синтаксических особенностей и ограничений, наличие у превербных глаголов специфических грамматических категорий или значений, а также характер аспектуальных (точнее, акциональных) значений превербных глаголов. Хотя в целом превербы, как уже говорилось выше, модифицируют акциональную характеристику глаголов, добавляя к ней актуальную предельность (терминативность), языки проявляют различия в том, какие именно ситуации может обозначать превербный глагол. Так, в большинстве славянских языков такие глаголы обозначают только достижение ситуацией предела (или событие иного типа, например, начинательное), однако не могут выражать длительный процесс или состояние — для этого используется либо соответствующий глагол без преверба, либо вторичный имперфектив. В балтийских же языках и в идише многие префиксальные глаголы в форме настоящего времени способны обозначать процесс или состояние, см. литов. *Ati-dar-au langq* 'Я открываю [PRV-делать-PRS.1SG] окно' (с. 93). Напротив, картвельские языки и осетинский ведут себя похожим на славянские языки образом, хотя исключение представляют собой глаголы движения — они, в отличие от большинства префиксальных глаголов, допускают актуально-длительное прочтение в настоящем времени, см. осет. *ba-tax-ə* 'подлетает [PRV-лететь-PRS.3SG]' (с. 94).

Пятая глава, самая большая по объему, посвящена характеристике глагольных систем с превербами, прежде всего признакам, связанным с характером аспектуальной оппозиции простых и превербных глаголов и со степенью грамматикализованности аспектуальных

категорий, в выражении которых используются превербы. При том, что в языках наблюдается значительная вариативность с точки зрения способов членения семантического пространства между исходным глаголом и его префиксальными дериватами, существенным оказывается противопоставление между западной и восточной зоной славянских языков, ранее выявленное в серии работ С. Дики (см., в частности, книгу [Dickey 2000]). В языках западной зоны соотношение между совершенным и несовершенным видами определяется денотативными характеристиками обозначаемой ситуации — именно поэтому, например, при описании повторяющейся терминативной «микроситуации» выбирается совершенный вид (к примеру, чеш. *Upije (SV) jednu skleničku vodky denně* ‘Он выпивает / *выпьет по рюмке водки каждый день’). Напротив, в языках восточной зоны употребление СВ более ограничено, поскольку в целом ряде контекстов (прежде всего, хабитуальных и презентных) НСВ используется в том числе и при обозначении точечных событий — тем самым, «если в чешском “семантической доминантой” служит терминативность “микроситуации”, то в русском ею оказывается неопределённая длительность “макроситуации”» (с. 105). Балтийские языки, венгерский и языки картвельской семьи в рассматриваемом отношении ближе к западнославянской зоне: нейтрализация акционального противопоставления превербных и простых глаголов в хабитуальных контекстах для них нехарактерна. Еще один признак состоит в наличии в языке морфосинтаксического механизма вторичной имперфективации, который бы позволял перфективированному превербному глаголу быть употребленным в имперфективном контексте. Продуктивная морфологическая вторичная имперфективация отмечается в большинстве славянских языков, а также в мегрельском и осетинском. В некоторых языках представлена лишь ограниченно продуктивная морфологическая имперфективация (например, в литовском), либо только неморфологические средства вторичной имперфективации (как постпозиция преверба в венгерском); в части языков выборки вторичная имперфективация отсутствует (к примеру, в грузинском и идише).

В пятой главе рассмотрены также такие параметры, как наличие непрефиксальных перфективирующих средств (к которым относятся, в частности, семельфактивные суффиксы в славянских языках), наличие глаголов без превербов, по акциональным и аспектуальным характеристикам сходных с превербными глаголами (простые глаголы СВ в славянских языках наподобие русск. *бросить*, болг. *хвърля*, польск. *rzucić* и проч.), и, наоборот, нетерминативных, то есть сохраняющих неопределённость, префиксальных глаголов (литов. *išmanyti* ‘понимать’ или *pri-vengti* ‘опасаться’). Последний раздел посвящен взаимодействию превербной перфективации с другими глагольными категориями, а именно с презенсом и футурумом, а также аористом и имперфектом. Речь идет о том, является ли футуральное значение основным у перфективного презенса, присутствует ли оно наряду с другими значениями или отсутствует вовсе; как вообще выражается в языке будущее время (например, имеется ли для имперфективных глаголов особая футуральная форма, как в восточнославянских, или же используется аспектуально нейтральная форма времени, как в балтийских языках или в осетинском); как превербный аспект сочетается с противопоставлением аориста и имперфекта (от отсутствия данного противопоставления в большинстве современных славянских и балтийских языков до наличия продуктивной системы со всеми четырьмя сочетаниями двух форм и двух видов, как в болгарском). Исходя из распределения значений признаков по языкам, П. М. Аркадьев приходит к выводу о том, что о грамматической категории аспекта, в образовании которой участвуют превербы, можно говорить лишь применительно к славянским языкам, грузинскому (и в несколько меньшей степени к другим картвельским) и осетинскому; напротив, в балтийских языках, венгерском и идише (из славянских к этому типу приближается обиходный верхнелужицкий) «нет или практически нет собственно грамматических, не мотивированных непосредственно семантикой признаков, которые позволили бы четко противопоставить терминативные (превербные) и нетерминативные предикаты как грамматические классы» (с. 174).

Результаты, полученные в четырех главах, составляющих ядро книги, в главе 6 обобщаются с использованием количественных методов; для этого автор отбирает 19 из рассмотренных

признаков, а именно те, значения которых можно представить в дискретном виде типа «+» и «-». Уже многофакторный анализ на основе таблицы, в которой значения признаков представлены для каждого языка, позволяет сделать выводы о том, что свойства превербов в славянских языках — особенно формально-морфологические — чрезвычайно гомогенны и отличают славянские от остальных языков выборки, тогда как функционально-семантические признаки превербных глаголов и в особенности глагольных систем гораздо менее гомогенны и с генетическим родством языков столь явно не коррелируют (с. 178, 180). Для всех пар языков подсчитана также степень сходства (как процентное отношение числа совпадений значений признаков в паре к числу признаков, релевантных для обоих языков) — в целом она оказывается не очень значительной, за исключением северо-восточно-славянского кластера (польский и три восточнославянских языка) и чешского и словацкого, имеющих стопроцентное сходство. Графически степень сходств между языками изображена на диаграммах, построенных по методу NeighborNet (в программе SplitsTree), а кроме того, в последнем разделе главы представлены образцы карт, где языки кластеризуются на основе изоплет, то есть числа признаков, принимающих у данного языка одинаковое значение в сравнении с выбранным эталоном. В целом в главе сделано множество любопытных наблюдений о сходствах и различиях языков, которые позволяет выявить квантитативный анализ, при этом главный вывод автора состоит в выделении двух основных кластеров языков, или двух «прототипов» префиксальной перфективации — «славянского» и «кавказского», различающихся характерными для них значениями типологических признаков. Так, если славянский «прототип» характеризуется: а) итерацией превербов, б) отсутствием их морфологической и функциональной субкатегоризации, в) отсутствием систематического выражения дейксиса, г) продуктивностью делимитативных превербов, д) вторичной имперфективацией, е) наличием суффиксального перфективатора, ж) запретом на дуративное употребление перфективных глаголов, — то кавказскому «прототипу», напротив, присущи: а) запрет итерации превербов, б) их морфологическая и функциональная субкатегоризация, в) наличие других префиксов и систематическое выражение дейксиса, г) отсутствие продуктивных делимитативных превербов (кроме осетинского) и д) вторичной имперфективации (кроме осетинского и мегрельского), е) отсутствие иных средств перфективации и ж) дуративное употребление превербных глаголов перемещения (с. 195). К обсуждению этого противопоставления, столь детальную характеристику которого можно считать одним из ключевых достижений книги, автор возвращается и в следующей главе, а также в Заключении.

В последней, седьмой, главе книги П. М. Аркадьев рассматривает системы перфективирующих превербов с точки зрения их происхождения, эволюции и подверженности влиянию языковых контактов. Обзор диахронии превербной перфективации дан по языковым семьям (индоевропейские, картвельские, уральские языки) и показывает следующую закономерность, верную для всех обсуждаемых языковых групп и семей. Хотя превербы или их морфологически свободные аналоги существовали как средства выражения глагольной ориентации уже на самых ранних этапах письменной фиксации этих языков (либо могут быть реконструированы для этих языков путем внешнего сравнения), столь же четко видно и то, что использование превербов в телесизирующей функции и тем более грамматикализация систем префиксального перфектива для всех рассматриваемых языков является сравнительно поздней инновацией, развитие которой приблизительно ограничено последними полутора тысячами или даже тысячей лет (с. 201, 232, 278). В этой связи особую важность приобретает анализ роли контактных факторов в развитии систем перфективации, и в той же главе показано, что в исследуемом ареале обнаруживается немало примеров контактного влияния. Здесь отмечаются как случаи полного («глобального») копирования, то есть заимствования языком-реципиентом превербов языка-донора (к примеру, русские, немецкие, болгарские, латышские заимствованные превербы в цыганских диалектах), так и избирательного копирования, состоящего в перестройке уже имеющейся в языке-реципиенте системы превербов по аналогии с системой языка-донора (например, калькирование

семантики славянских превербов в идише или изменение значения некоторых литовских приставок под русским влиянием). Вместе с тем ни в одном из многочисленных случаев контактного развития не зафиксировано заимствования или калькирования собственно славянской категории вида — результатом влияния являются либо слабо грамматикализованные системы, либо системы, отличные от славянских, тогда как «копирование грамматической категории из одного языка в другой, по крайней мере грамматической категории столь сложного формального устройства и столь абстрактной семантики, как славянский вид, вообще невозможно или крайне затруднено» (с. 257). В этой главе также дается обзор возможных аналогов префиксальной перфективации в других языках, а именно систем превербов как таковых (не связанных с перфективацией, как в ряде нахско-дагестанских языков) либо случаев выражения акциональных значений с помощью других типов показателей с исходно пространственной семантикой (например, использование перфективирующих суффиксов в языках кечуа и аймара в Южной Америке, марги в Африке, мокил и кусаие в Океании и проч.). Подобные параллели показывают, что само по себе семантическое развитие от директивных модификаторов к телесизаторам и перфективаторам типологически естественно, а значит дальнейшее углубленное изучение перфективов, основанных на глагольных «ограничителях», вполне перспективно.

В конце главы автор возвращается к двум выделенным им зонам «кристаллизации» систем префиксального перфектива (центральноевропейской и кавказской²) и, в частности, показывает, что говорить о славянском влиянии на кавказские глагольные системы нет оснований и что даже в рамках кавказского ареала непосредственное контактное взаимодействие между картвельскими и осетинскими языками носило достаточно ограниченный характер, так что «сама по себе эволюция аспектуальных систем этих языков проходила в значительной степени независимо» (с. 274). Нельзя не согласиться с более общим выводом П. М. Аркадьева о том, что «взаимодействие генетически унаследованного, универсально-типологического и контактно-индуцированного в эволюции грамматических систем происходит чрезвычайно сложным образом, и роль этих факторов в каждом конкретном случае не всегда может быть надежно установлена...» (с. 286).

Несмотря на то, что еще в самом начале Предисловия содержится признание в том, что «предлагаемая вниманию читателя книга возникла в качестве побочного результата занятий автора аспектологией литовского языка» (с. 9), очевидно, что перед нами на редкость глубокая и разносторонняя работа по аспектуальной типологии. Относительно частный фрагмент аспектологической проблематики исследован не только всесторонне, но и, с каждой из затрагиваемых сторон, исчерпывающим образом, что стало возможным как благодаря углубленному исследованию некоторых явлений, выполненному самим автором (в первую очередь это касается литовской видо-временной системы), так и охвату огромного количества литературы. Стоит отметить, что впечатляющий список цитируемых в книге работ включает более шестисот позиций и занимает 46 страниц (что составляет более десятой части ее объема), поэтому книга может быть использована и как справочник по аспектуальным системам языков основной выборки.

Уважение вызывает и то, что квантитативная глава представляет собой далеко не просто собрание обобщающих таблиц с цифрами, а также картинок, всего лишь иллюстрирующих кластеризацию признаков, и без того очевидную на неформальном уровне. Напротив, именно формальное представление позволяет в данном случае сделать ряд обобщений,

---

² Ареальная терминология в книге не всегда последовательна, хотя это и не препятствует пониманию. Так, в заглавии книги противопоставлены Европа и Кавказ, однако в основном тексте о двух этих (лингво-)географических зонах речь идет как об общем «восточноевропейском» ареале, внутри которого противопоставляются «центральноевропейские» и кавказские языки. Тем не менее, иногда исходный ареал, включая Кавказ, именуется «Центральной и Восточной Европой» (с. 13, 232) или же, напротив, в рамках этого исходного ареала противопоставляются языки Восточной Европы и Кавказа (с. 200, 287, 291).

которые не бросаются в глаза, и более наглядно продемонстрировать ключевое разграничение двух зон префиксальной перфективации.

В книге удачно соотносятся иллюстративный материал и описательный авторский текст: она содержит очень большое число примеров (для большинства языков, за исключением славянских, — в глоссированном виде), так что утверждения автора получают убедительное подкрепление. Впрочем, все спорные случаи, а также недостаточность данных для более точной характеристики тех или иных явлений всегда специально отмечаются автором.

Предложенные параметры типологии префиксальной перфективации окажутся полезными специалистам и по тем языкам, в которых представлена «неперфективирующая» глагольная префиксация либо, наоборот, перфективация, средствами выражения которой являются другие морфологические механизмы. Некоторые примеры обеих ситуаций в работе упоминаются (прежде всего, в главе 7), однако в языках мира их, вероятно, гораздо больше, так что труд П. М. Аркадьева окажется хорошим стимулом для новых открытий в этой области (особенно в случае, если со временем будет издан и по-английски).

В целом, как нам кажется, будущие исследователи глагольных систем языков Центральной и Восточной Европы и Кавказа, с одной стороны, глагольной префиксации как таковой, с другой, а также механизмов перфективации / телисизации, с третьей, вряд ли смогут пройти мимо рецензируемой книги³.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 3 — 1-е, 3-е лицо
PRV — проверб

PRS — настоящее время
SG — единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Плунгян 2002 — Плунгян В. А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Плунгян В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений. М.: «Русские словари», 2002. С. 57—98. [Plungian V. A. On the specifics of expressing nominal spatial characteristics in the verb: The category of verbal orientation. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 2: *Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znachenii*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Russkie Slovarei, 2002. Pp. 57—98.]
- Татевосов 2009 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Киселева К. Л. и др. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: «Пробел-2000», 2009. С. 92—156. [Tatevosov S. G. Multiple prefixation and the anatomy of the Russian verb. *Korpusnye issledovaniya po russkoy grammatike*. Kiseleva K. L. et al. (eds.). Moscow: Probel-2000, 2009. Pp. 92—156.]
- Dickey 2000 — Dickey S. M. *Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach*. Stanford: CSLI Publications, 2000.
- Haspelmath 2001 — Haspelmath M. The European linguistic area: Standard Average European. *Language typology and language universals. An international handbook. Vol. II*. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2001. Pp. 1492—1510.
- Thieroff 2000 — Thieroff R. On the areal distribution of tense-aspect categories in Europe. *Tense and aspect in the languages of Europe. Empirical approaches to language typology*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 265—303.

³ Полный текст монографии П. М. Аркадьева с момента публикации доступен и в электронном виде на сайте Института славяноведения РАН, см. <http://www.inslav.ru/resursy/elektronnaya-biblioteka/2042-2015-arkadiev>.